

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
7 June 2021
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Соображения, принятые Комитетом в соответствии
с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола
относительно сообщения № 2776/2016* ** *****

<i>Сообщение представлено:</i>	Чоном-хи Ли и 388 другими лицами (представлены Кинам Кимом и другими адвокатами, «МИНБУИН — Юристы за демократическое общество»)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Республика Корея
<i>Дата сообщения:</i>	11 декабря 2015 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 16 июня 2016 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	23 октября 2020 года
<i>Тема сообщения:</i>	ропуск политической партии
<i>Процедурные вопросы:</i>	приемлемость — явно недостаточная обоснованность; применимость оговорки государства-участника к статье 22 Пакта
<i>Вопросы существа:</i>	свобода ассоциации; свобода выражения мнений; право принимать участие в делах государства; допустимость ограничений; право на равную защиту без каких-либо различий
<i>Статьи Пакта:</i>	2 (пункт 1), 19, 22 и 25

* Приняты Комитетом на его 130-й сессии (12 октября — 6 ноября 2020 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Ахмед Амин Фатхалла, Кристоф Хейнс, Фуруя Сюити, Данкан Лаки Мухумуза, Дэвид Мур, Фотини Пазардзис, Эрнан Кесада Кабрера, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Юваль Шани, Элен Тигруджа, Андреас Циммерман и Гентиан Зюбери.

*** К настоящим Соображениям прилагается текст совместного (несогласного) мнения членов Комитета Кристофа Хейнса, Дэвида Мура, Васильки Санцин, Юваля Шани, Эрнана Кесады Кабреры и Гентиана Зюбери.

*Статьи Факультативного
протокола:*

1. Авторами сообщения являются Чон-Хи Ли и 388 других лиц, все граждане Республики Корея. Авторы утверждают, что государство-участник нарушило их права, предусмотренные статьей 22, а также статьями 2 (пункт 1), 19 и 25, рассматриваемыми в совокупности со статьей 22 Пакта. Пакт и Факультативный протокол к нему вступили в силу для государства-участника 10 июля 1990 года. Авторы представлены адвокатами.

Факты в изложении авторов

2.1 Все авторы были членами Объединенной прогрессивной партии. Большинство из них были обычными членами, которые платили членские взносы.

2.2 В сентябре 2013 года, в условиях роста напряженности между властями государства-участника и режимом в Корейской Народно-Демократической Республике, депутату парламента от Объединенной прогрессивной партии Сок-ки Ли и еще шести лицам были предъявлены обвинения в заговоре и подстрекательстве к мятежу, а также в нарушении Закона о национальной безопасности. Г-н Ли был обвинен в руководстве подпольной организацией под названием «Революционная организация», якобы созданной им с целью свержения конституционного строя и насаждения идеологии чучхе Корейской Народно-Демократической Республики. Его обвинили в том, что он призывал членов Революционной организации, которые одновременно являлись членами Объединенной прогрессивной партии и присутствовали на собраниях 10 и 12 мая 2013 года, крепить физическую и военную подготовку, в том числе для разрушения инфраструктуры страны, в случае вооруженного конфликта с Корейской Народно-Демократической Республикой. 18 февраля 2014 года суд вынес обвинительный приговор г-ну Ли и Хон-ёл Киму, признав их виновными в заговоре и подстрекательстве к мятежу, а также в нарушении Закона о национальной безопасности. Еще пять человек были признаны виновными по аналогичным статьям обвинения. Апелляционный суд оправдал г-на Ли по обвинению в заговоре, но оставил в силе его приговор за подстрекательство к мятежу и нарушение Закона о национальной безопасности. 22 января 2015 года Верховный суд оставил приговор в силе.

2.3 5 ноября 2013 года Государственный совет предложил Конституционному суду распустить Объединенную прогрессивную партию, поскольку ее цели и деятельность противоречили основам демократического строя.

2.4 19 декабря 2014 года Конституционный суд вынес решение о роспуске Объединенной прогрессивной партии, установив, что она стремилась к подрыву либеральной демократии и пропагандировала социализм образца Корейской Народно-Демократической Республики. Суд пришел к выводу, что скрытой целью «руководящего ядра» партии, состоящего из членов различных альянсов, включая альянс Восточного Кёнги, являлось насильственное установление «прогрессивной демократии» и социализма. Суд счел, что эта цель прямо противоречит основам демократического строя. Он также установил, что деятельность партии, включая попытки организовать мятеж, фальсификацию внутренних выборов, насилие в центральном комитете и манипулирование общественным мнением, подрывает национальное сосуществование и верховенство закона и, таким образом, противоречит идее демократии. Он счел роспуск партии соразмерным ограничением и необходимым условием скорейшего устранения угроз, вызванных ее попытками нанести ущерб основам демократического строя. Суд сослался на конфронтацию с Корейской Народно-Демократической Республикой и революционную стратегию последней в отношении государства-участника. По его мнению, уголовное наказание отдельных лиц не устранил антиконституционный характер самой партии. Он также посчитал, что роспуск партии по причине ее неконституционности требует, чтобы депутаты от нее были лишены мест в Национальном собрании, поскольку в противном случае они могли бы продолжать свою деятельность. Таким образом, суд вывел депутатов от партии из состава Национального собрания и исключил возможность

реформирования партии под другим названием. В результате 22 декабря 2014 года Национальная избирательная комиссия исключила шестерых членов партии из числа депутатов местных собраний.

2.5 Таким образом, членство авторов в Объединенной прогрессивной партии было прекращено. 16 февраля 2015 года партия потребовала провести повторное судебное разбирательство, несмотря на отсутствие разрешающего это закона, на том основании, что Верховный суд оправдал г-на Ли и других лиц по обвинению в сговоре. 30 мая 2016 года авторы сообщили Комитету, что 26 мая 2016 года Конституционный суд отклонил их ходатайство. 25 ноября 2015 года окружной суд Чонджу постановил, что исключение членов партии из числа депутатов местного собрания было неправомерным.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что было нарушено их право на свободу ассоциации, предусмотренное статьей 22 Пакта. Авторы признают, что государство-участник сделало оговорку к этой статье, уточнив, что она должна применяться таким образом, чтобы не противоречить положениям местных законов, включая Конституцию, и в то же время они утверждают, что оговорка была сделана потому, что свобода ассоциации государственных служащих и учителей уже была ограничена в соответствии с внутренним законодательством¹, и поэтому она не имеет отношения к их делу. Кроме того, государство-участник не может ссылаться на оговорку, поскольку оно не сделало этого в отношении сообщения № 1119/2002². В любом случае, оговорка несовместима с предметом и целью Пакта.

3.2 Авторы утверждают, что роспуск Объединенной прогрессивной партии сделал невозможным ведение ими политической деятельности в качестве членов партии и что такое вмешательство не предусмотрено законом. Во-первых, требование закона, обязывающее Государственный совет рассмотреть ходатайство о роспуске до его передачи в Конституционный суд, не было соблюдено, поскольку президент, возглавлявший Государственный совет, 5 ноября 2013 года находился за границей. Авторы отмечают, что, когда президент не может выполнять свои обязанности в силу чрезвычайной ситуации, его заменяет премьер-министр. Однако исполнительная власть не смогла доказать наличие чрезвычайной ситуации, которая оправдывала бы принятие решений в отсутствие президента. Конституционный суд постановил, что поездка президента за границу представляет собой чрезвычайную ситуацию, препятствующую исполнению ею своих служебных обязанностей. Авторы считают, что термин «чрезвычайная ситуация» должен толковаться узко и исключать зарубежные официальные обязанности, и что роль премьер-министра следует понимать, как относящуюся к обязанностям по поддержанию статус-кво.

3.3 Во-вторых, проект ходатайства о роспуске Объединенной прогрессивной партии не обсуждался на совещании заместителей министров перед заседанием Госсовета, как этого требует в обычной ситуации указ о Госсовете. Конституционный суд отметил, что исполнительная власть может использовать дискреционные полномочия при принятии решения о существовании экстренной ситуации, и что, учитывая обвинения в заговоре и подстрекательстве к мятежу, использование представителями исполнительной власти дискреционных полномочий не может считаться злоупотреблением. Однако, по мнению авторов, никакой экстренной ситуации не существовало. Действительно, Министерство юстиции потратило два месяца на подготовку ходатайства о роспуске партии; к моменту подачи ходатайства уголовный процесс уже шел полным ходом. Кроме того, никакой реальной подготовки к мятежу не велось.

3.4 В-третьих, Конституционный суд не применял строгие доказательственные стандарты. Он отклонил просьбу Объединенной прогрессивной партии о применении законов и правил уголовного судопроизводства, применив вместо этого стандарты

¹ Авторы ссылаются на CCPR/C/KOR/4, п. 306; и CCPR/C/KOR/2005/3, пп. 317–320.

² *Ли против Республики Корея* (CCPR/C/84/D/1119/2002), п. 6.4.

гражданского судопроизводства. Однако, учитывая влияние роспуска партии на осуществление прав на свободу ассоциации и выражения мнений, применения стандартов гражданского судопроизводства следовало бы избегать. Конституционный суд опирался на доказательства, которые не могут быть приняты к рассмотрению в уголовном производстве, поскольку они не являются достоверными и представляют собой слухи, необъективные отчеты и сообщения в Интернете, необоснованно переложив бремя доказывания на членов партии.

3.5 В-четвертых, приобщив к материалам дела стенограмму незавершенного уголовного процесса, Конституционный суд нарушил статью 32 Закона о Конституционном суде, не разрешающую Суду вмешиваться в текущее уголовное производство. 11 марта 2014 года Суд отклонил возражение Объединенной прогрессивной партии против принятия к рассмотрению таких доказательств, основываясь на статье 113 Конституции, пункте 1 статьи 10 Закона о Конституционном суде и статьях 39 и 40 правил вынесения судебных решений. Однако эти положения позволяют Суду создавать правила только в случае необходимости, а не нарушать Закон о Конституционном суде.

3.6 По мнению авторов, ограничение по статье 22 — т. е. вмешательство в право на свободу ассоциации — не было необходимым в демократическом обществе, поскольку оно должно было быть обосновано³. Конституционный суд заявил, что должна существовать конкретная угроза причинения реального вреда основам демократического строя, и посчитал, что этот стандарт выполняется, если политическая партия преследует цели или осуществляет деятельность, противоречащие Конституции. Авторы утверждают, что суд не усмотрел антиконституционных элементов в целях Объединенной прогрессивной партии, а вместо этого сформулировал концепцию скрытых целей, преследуемых «руководящим ядром», которое якобы контролировало партию. Авторы утверждают, что такого ядра не существовало. Суд поименно назвал некоторых предполагаемых членов Партии, включая Сок-ки Ли, но не обосновал, почему он опирался при этом на их прошлую деятельность и информацию. Большое внимание он уделил также показаниям бывшего члена Народно-демократической революционной партии, который, однако, никогда не был знаком с г-ном Ли и поэтому не мог свидетельствовать о его идеологической принадлежности. Авторы утверждают, что Суд не смог установить организационную структуру, членский состав и цели Альянса Восточного Кёнги и что такой организации никогда не существовало. Также не было доказано, что участники майских собраний сформировали единую организацию, поддерживающую г-на Ли и контролирующую Объединенную прогрессивную партию. Суд также не объяснил, как и когда «руководящее ядро» контролировало процесс принятия партийных решений. При выяснении скрытых целей партии суд исходил из индивидуальной деятельности членов партии, которая не имела никакого отношения к официальной партийной деятельности. Вопреки Руководству по запрету и роспуску политических партий и аналогичным мерам, суд, без проведения какой-либо проверки, презюмировал, что 130 человек, присутствовавшие на майских собраниях, представляли мнение партии, и не учел мнение 100 000 остальных ее членов.

3.7 Авторы отрицают, что «руководящее ядро» партии преследовало цель установления «прогрессивной демократии» насильственным путем, воссоединения Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики и построения того типа социализма, который пропагандирует Корейская Народно-Демократическая Республика. Выступая за «прогрессивную демократию», партия скорее ориентировалась на такие латиноамериканские страны, как Бразилия, Венесуэла (Боливарианская Республика) и Чили. Суд также не смог доказать, что Корейская Народно-Демократическая Республика приказала Партии строить «прогрессивную демократию», основываясь вместо этого на неофициальных заявлениях и отчетах о деятельности некоторых членов и одного нечлена, а не на официальном мнении

³ Авторы ссылаются на дело *Корнеев против Беларуси* (CCPR/C/88/D/1274/2004), п. 7.3; *Ли против Республики Корея*, п. 7.2; и замечание общего порядка Комитета № 34 (2011), п. 34.

партии. Авторы отмечают, что партия никогда не выступала за лишение прав; напротив, она поддерживала пропорциональное представительство и более четкое разделение властей. Авторы добавляют, что стремление к мирному воссоединению не противоречит основам демократического порядка. Что касается вывода суда о том, что партия поддерживала ядерные испытания и вооруженные провокации Корейской Народно-Демократической Республики, авторы отмечают, что простое выражение сожаления по поводу проведенных ядерных испытаний и критика угроз со стороны Соединенных Штатов Америки не означают, что партия безоговорочно поддерживает Корейскую Народно-Демократическую Республику. Кроме того, суд ошибочно приписал Чон-хи Ли заявление о преемственности власти в Корейской Народно-Демократической Республике. Партия не заявляла о своей поддержке Корейской Народно-Демократической Республики в этом вопросе. Суд не смог доказать, что кампании партии за отмену Закона о национальной безопасности и аннулирование соглашения о свободной торговле с США свидетельствуют о ее поддержке социализма, пропагандируемого Корейской Народно-Демократической Республикой. Более того, суд подчеркнул сходство формулировок, описывающих деятельность партии и революционную стратегию Корейской Народно-Демократической Республики, направленную против государства-участника, проведя искаженные сравнения, основанные на частичном сходстве.

3.8 Авторы оспаривают вывод Конституционного суда о том, что деятельность Объединенной прогрессивной партии представляла угрозу основам демократического строя. Суд установил, что майские собрания, фальсифицированные выборы, давление со стороны Центрального комитета и манипулирование общественным мнением продемонстрировали насильственные цели партии и конкретную угрозу ее деятельности для основ демократического строя. По мнению авторов, суд переоценил степень угрозы. По мнению суда, партия пыталась захватить власть не только в ходе выборов, но и путем пропаганды «права на сопротивление». Авторы утверждают, что партия стремилась к захвату власти в ходе выборов и рассматривала право на сопротивление как исключительное средство достижения этой цели, не стремясь к свержению демократического строя и не подстрекая к насилию. Суд обосновывал свои выводы также результатами майских собраний. Однако, по мнению авторов, эти собрания не были официальными партийными мероприятиями, поскольку они никогда не были одобрены партией. Партия не знала заранее об участии Сок-ки Ли, о содержании его речи или о специфике собраний. Она не участвовала в оплате помещения, где проходили собрания, а сами они были организованы членами партийного комитета провинции Кёнги в их личном качестве. Авторы добавляют, что партия никогда не выступала за насилие и что высказывания Сока-ки Ли и Хона-ёл Кима были сделаны ими в личном качестве и вопреки подходу партии, которая стремится к власти через выборы.

3.9 Авторы оспаривают оценку Конституционного суда, по мнению которого майские митинги представляют собой заговор или призыв к мятежу. Несмотря на то, что содержание майских собраний вызывало проблемы, а решение суда основывалось в первую очередь на обвинении в сговоре, апелляционный суд и Верховный суд, рассматривавшие уголовное дело против г-на Ли и еще шести человек, оправдали их по этой статье обвинения, заключив, что такого сговора не было. Авторы добавляют, что нет никаких доказательств, свидетельствующих о подготовке восстания до этих встреч или о каких-либо последующих действиях. Более того, во время майских собраний не было заключено никаких соглашений, а результаты обсуждений в некоторых подгруппах показали, что по вопросу мятежа не было никакого согласия. Никто из выступавших не призывал к насилию конкретно или прямо. Разговоры о разрушении инфраструктуры и военно-технических приготовлениях были туманными и абстрактными. Авторы повторяют, что майские собрания не были одобрены партией и что партия никогда не использовала и не планировала использовать насилие для захвата власти.

3.10 Кроме того, вопреки замечанию Конституционного суда о том, что члены партии пытались добиться победы своих кандидатов на выборах путем насилия, в том числе на уровне ее Центрального комитета, путем фальсификации выборов и манипулирования общественным мнением, авторы утверждают, что эти инциденты

были вызваны действиями некоторых отдельных членов партии и не носили систематического, преднамеренного или основанного на политической линии партии характера.

3.11 Авторы утверждают, что существовали и менее ограничительные меры, чем роспуск партии. Конституционный суд признал неконституционными цели и деятельность партии, в том числе построение «прогрессивной демократии», несмотря на то, что эти цели и деятельность были такими же, как у одного из ее предшественников — Демократической партии труда, созданной в 2000 году. Главным основанием для решения суда стали майские собрания, однако когда правительство заявило свое ходатайство, участники собраний находились под стражей, и когда суд выносил свое решение, уголовное производство еще продолжалось. Более того, на выборах в июне 2014 года партия набрала всего 4,3 процента голосов и поэтому не смогла прийти к власти. Помимо прочего, административных мер, таких как решение о лишении депутатов от партии права занимать места в Национальном собрании, было бы достаточно для защиты основ демократического строя.

3.12 Кроме того, авторы утверждают, что роспуск партии не был соразмерен защищаемым интересам, в том числе цели защиты плюралистической демократии. Что касается роспуска партии, Комитет уже заявлял, что, учитывая особо далеко идущие последствия, которые имеет роспуск политической партии, государству-участнику следует обеспечить, чтобы при применении этой меры, которая должна использоваться лишь в самом крайнем случае, проявлялась максимальная сдержанность и соблюдался принцип пропорциональности⁴.

3.13 Авторы утверждают, что были нарушены их права, предусмотренные в статье 19, рассматриваемой в совокупности со статьей 22 Пакта. Решение Конституционного суда лишило их возможности выразить свое мнение и запретило создавать партию, преследующую те же цели. Они вновь заявляют, что роспуск Объединенной прогрессивной партии не был продиктован законом и не был необходим в демократическом обществе.

3.14 Авторы также утверждают, что государство-участник нарушило их права, предусмотренные в пункте 1 статьи 2, рассматриваемой в совокупности со статьей 22 Пакта. Их право не подвергаться дискриминации при осуществлении права на свободу ассоциации было нарушено, поскольку власти посчитали, что они и партия представляют непопулярные мнения. В государстве-участнике существует несколько политических партий, программы которых отличаются от программы Партии лишь тем, что последняя несколько больше симпатизировала Корейской Народно-Демократической Республике.

3.15 Кроме того, авторы заявляют о нарушении статьи 25, рассматриваемой в совокупности со статьей 22 Пакта, поскольку Конституционный суд лишил членов партии их мест в местных собраниях и в Национальном собрании, и тем самым лишил авторов представительства. Они вновь заявляют, что наложенное ограничение было необоснованным.

3.16 Авторы утверждают, что они исчерпали все имевшиеся внутренние средства правовой защиты, поскольку решение Конституционного суда является окончательным. Они подали ходатайство о проведении повторного судебного разбирательства, несмотря на то, что это не предусмотрено ни одной законодательной нормой, которое Конституционный суд отклонил 26 мая 2016 года.

3.17 Авторы просят Комитет призвать государство-участник предоставить им соответствующие средства правовой защиты, в том числе отменить решение Конституционного суда, провести повторное рассмотрение дела справедливым, беспристрастным и независимым образом, восстановить в должностях членов партии, занимавших места в местных собраниях и в Национальном собрании, и выплатить денежную компенсацию.

⁴ CCPR/C/KOR/CO/4, п. 51.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 7 февраля 2017 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Он отмечает, что только четыре государства заявили возражения против оговорки, сделанной к статье 22, которая, таким образом, остается в силе. Ссылка авторов на сообщение № 1119/2002 ошибочна, поскольку государство-участник выразило сожаление по поводу применения Комитетом статьи 22 в рамках процедуры последующих действий. Государство-участник добавляет, что, даже если Комитет применит статью 22 к данному делу, сфера действия оговорки, вполне вероятно, ограничивается правом государственных служащих и учителей на вступление в профсоюз, и ссылаться на запрет ее применения вряд ли допустимо.

4.2 Авторы нельзя рассматривать как жертв какого-либо нарушения Пакта. Они недостаточно обосновали свои претензии, которые поэтому должны быть признаны неприемлемыми.

4.3 Государство-участник отмечает, что его Конституционный суд распускает политическую партию только в том случае, если он установит, что она подрывает основы демократического строя и что ее необходимо распустить для защиты этого строя. Процедура проведения такой оценки подчиняется строгим правовым стандартам, в том числе принципу соразмерности и правилу, согласно которому роспуск может быть предписан в том случае, если цели или деятельность партии представляют конкретную угрозу для основ демократического строя.

4.4 Государство-участник не согласно с тем, что роспуск партии не был предусмотрен законом. В соответствии со статьей 12 Закона об организации правительства премьер-министр может замещать президента, если последний не может исполнять свои обязанности по уважительным причинам. Согласно пункту 4 статьи 2 положения об административной доверенности, к таким причинам относятся поездки президента за границу. Таким образом, председательство премьер-министра в Государственном совете не противоречило надлежащей процедуре. Что касается отсутствия совещания заместителей министров, государство-участник отмечает, что в соответствии с положением о Государственном совете в экстренных случаях проведения таких совещаний не требуется, и правительство имеет право по своему усмотрению определять наличие экстренной ситуации. Поскольку в данном деле речь шла о депутатах Национального собрания, решение правительства действовать без обсуждения на уровне заместителей министров нельзя считать злоупотреблением. Кроме того, учитывая характер и цель конституционного судебного разбирательства, Конституционный суд, действуя в соответствии со статьей 40 Закона о Конституционном суде, применил нормы гражданского судопроизводства, поскольку такие нормы носят общий процессуальный характер, широко применяются в уголовных и административных делах и, таким образом, могут применяться в конституционном судебном разбирательстве.

4.5 Государство-участник также не согласно с доводом авторов, полагающих, что роспуск партии не был необходим в демократическом обществе. Оно отмечает, что Конституционный суд рассмотрел 170 000 страниц доказательств, заслушал 12 свидетелей и 6 экспертов в ходе 18 слушаний и пришел к выводу, что роспуск партии был необходим для защиты основ демократического строя. После основания партии в декабре 2011 года и участия в выборах в апреле 2012 года 13 кандидатов от партии получили места в Национальном собрании. Однако при определении рейтинга кандидатов от партии происходили систематические махинации. 12 мая 2012 года во время заседания Центрального комитета произошел инцидент с применением насилия, в ходе которого некоторые члены партии применили физическую силу, и председатель заседания получил телесные повреждения. Член Национального собрания Сон-тон Ким распылил слезоточивый газ в Национальном собрании в знак протеста против соглашения о свободной торговле с США. Более того, Сок-ки Ли и другие члены партии, являвшиеся депутатами Национального собрания, участвовали в майских собраниях Революционной организации — партийных мероприятиях, собравших 130 человек. Г-н Ли говорил, что война неизбежна, и подстрекал людей к разрушению

инфраструктуры, телекоммуникаций, железных дорог и газовых объектов. 16 сентября 2013 года г-н Ли и другие лица были привлечены к ответственности за заговор и подстрекательство к мятежу. Несмотря на это, партия преобразовала свою структуру в «штаб борьбы» с 16 столичными и провинциальными ячейками и проводила общенациональные акции протеста и собрания. Вся партия защищала деятельность Революционной организации, собирая средства через специальные членские взносы и поощряя членов писать петиции с требованиями оправдать ее членов. 10 мая 2013 года члены организации подтвердили, что, учитывая, что Корейская Народно-Демократическая Республика расторгла соглашение о перемирии от 5 марта 2013 года, они находятся в состоянии войны, и обсудили вопрос об уничтожении важнейших объектов государства-участника. 12 мая 2013 года они обсудили возможность уничтожения крупных объектов для нарушения коммуникаций и совершения нападений на различные виды инфраструктуры. Даже когда это стало известно, партия продолжала открыто поддерживать г-на Ли на протяжении всего судебного процесса. Государство-участник утверждает, что, учитывая всю совокупность фактов, партию вполне можно обвинить в заговоре с целью подготовки мятежа.

4.6 Государство-участник утверждает, что обвинения в заговоре и подстрекательстве к мятежу, а также фальсификация выборов олицетворяют собой попытку партии разрушить и свергнуть конституционный строй. Конституционный суд постановил, что обсуждение партией вопроса о разрушении крупных объектов в случае объявления войны Корейской Народно-Демократической Республикой представляло собой попытку разрушить или ликвидировать основы демократического строя с помощью преднамеренных насильственных действий. Партия поощряла деятельность своих членов, которые выступали на стороне Корейской Народно-Демократической Республики. Суд решил, что альтернативы роспуску партии не существует, так как уголовное наказание может быть применено только к физическим лицам и не может устранить угрозу, исходящую от политической партии, которая может заменить собой таких лиц. Суд отметил, что «руководящее ядро» партии, несмотря на кажущуюся малочисленность, представляло собой мощную, тесно сплоченную группу, действующую сообща и оказывающую сильное влияние на подбор кандидатов на политические должности и на должности, связанные с директивной деятельностью и принятием решений. По вопросу соразмерности Суд признал, что роспуск политической партии ограничил ее деятельность и сузил спектр политических идей и идеологий, но также подтвердил, что следование идеологии, которая подрывает плюралистическое общество или поощряет разрушение и отказ от основ демократического устройства, может быть ограничено в интересах сохранения существующего строя.

4.7 Европейский суд по правам человека постановил, что решение о роспуске политической партии может быть принято в судебном порядке, если, например, партия нарушает демократические принципы или стремится помешать функционированию демократической системы или положить ей конец⁵. Согласно Руководству по запрету и роспуску политических партий и аналогичным мерам, «запрет или принудительный роспуск политических партий может быть оправдан только в отношении партий, которые выступают за применение насилия или используют насилие в качестве политического инструмента для свержения демократического конституционного строя», т. е. существование угрозы миру или основам демократического строя оправдывает роспуск партий. Более того, Европейский суд по правам человека также учитывает существование исключительных обстоятельств при вынесении решения, следуя принципу, что именно национальные органы власти в силу того, что они постоянно ощущают на себе ситуацию в стране, лучше всего могут оценить, соблюдены ли требования, оправдывающие роспуск партий. Государство-участник отмечает, что оно по-прежнему находится в состоянии войны с Корейской Народно-Демократической Республикой, и утверждает, что факт создания последней ракет и ядерного оружия должен в полной мере учитываться при определении необходимости роспуска. Европейский суд по правам человека последовательно утверждает, что если

⁵ European Court of Human Rights, *Herri Batasuna and Batasuna v. Spain*, applications No. 25803/04 and No. 25817/04, judgment, 30 June 2009.

опасность доказана на основании целей и деятельности партии, то партия должна быть распущена еще до того, как она начнет действовать⁶.

4.8 Государство-участник также оспаривает правомерность жалобы авторов по статье 19, рассматриваемой в совокупности со статьей 22 Пакта, утверждая, что политическая партия не подпадает под понятие «средства массовой информации» в этой статье и что в любом случае ограничение права на свободу выражения мнения было оправдано в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта как введенное для защиты основ демократического строя и национальной безопасности.

4.9 Кроме того, государство-участник оспаривает жалобу авторов на нарушение пункта 1 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 22 Пакта. Решение о роспуске партии было принято из-за несоответствия партии требованиям демократического конституционного строя и в целях устранения угрозы, которую она представляла. Авторы не смогли обосновать утверждение о том, что Конституционный суд действовал дискриминационным образом, поскольку они не доказали, что идеологическими сторонниками Корейской Народно-Демократической Республики каждый из них стал индивидуально.

4.10 Кроме того, государство-участник оспаривает утверждение авторов о нарушении статьи 25, рассматриваемой в совокупности со статьей 22 Пакта. Роспуск партии не накладывает никаких ограничений на участие авторов в различных видах политической деятельности, как через избранных представителей, так и помимо них. Даже если в результате роспуска партия потеряла пять депутатов, трое из них были избраны в ходе голосования по избирательным округам, а двое других — по итогам пропорциональных выборов, и нет никаких доказательств того, что все авторы проживают в избирательных округах, где депутаты лишились своих мандатов, или что они избирали этих депутатов. Государство-участник отмечает, что авторы по-прежнему могут осуществлять свое право избирать и быть избранными.

4.11 Государство-участник добавляет, что, хотя роспуск лишает партию ее прав и привилегий, он не затрагивает большинство основных прав ее членов и что, даже если бы это произошло, такие ограничения не выходят за рамки закона.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 20 апреля 2017 года авторы представили комментарии к замечаниям государства-участника. Они утверждают, что государство-участник сделало оговорку к статье 22 Пакта применительно к праву государственных служащих и учителей на забастовку и что речь о том, чтобы придать оговорке универсальный характер, никогда не шла. Они оспаривают аргумент государства-участника о том, что их нельзя считать жертвами нарушений Пакта.

5.2 Авторы оспаривают утверждение государства-участника о том, что роспуск партии был предписан законом. Они вновь обращают внимание на то, что время, которое потребовалось властям государства-участника для подготовки ходатайства, тюремное заключение подозреваемых и отсутствие какой-либо подготовки со стороны партии свидетельствуют о том, что никакой срочности, которой можно было бы оправдать несоблюдение требования о рассмотрении дела на уровне заместителей министров, не существовало. Они также повторяют, что, учитывая влияние роспуска партии на права ее членов, Конституционный суд был неправ, не установив строгих доказательственных стандартов. Они также подчеркивают, что Суд принял к рассмотрению материалы незавершенного уголовного процесса в нарушение статьи 32 Закона о Конституционном суде. Более того, Конституция не наделяет правительство правом требовать лишения депутатов мест в Национальном собрании, равно как и закон не предписывает такого лишения в случае роспуска политической партии. Более того, поскольку депутаты не выступали ответчиками по делу, рассматривавшемуся

⁶ Ibid., *Refah Partisi (The Welfare Party) and others v. Turkey*, applications No. 41340/98, No. 41342/98, 41343/98 and 41344/98, judgment, 13 February 2003. См. также *Herri Batasuna and Batasuna v. Spain*.

Конституционным судом, они не могли обеспечить свою защиту. Пять пострадавших депутатов подали иск, который на момент подготовки сообщения находился на рассмотрении в Верховном суде.

5.3 Авторы не согласны с тем, что роспуск партии был необходим в демократическом обществе. Они повторяют, что, по мнению Европейского суда по правам человека, только убедительные и веские причины могут оправдать ограничения свободы ассоциации, что государства имеют лишь ограниченную свободу действий при решении вопроса о существовании необходимости в ограничении и что такие радикальные меры, как роспуск политической партии, могут быть приняты только в самых серьезных случаях⁷. При определении необходимости Суд анализировал, имеются ли правдоподобные доказательства того, что угроза для демократии является достаточно и обоснованно реальной, и вытекает ли из действий и выступлений, вменяемых партии, общая четкая картина такой модели общества, нарисованной и пропагандируемой партией, которая несовместима с концепцией демократического общества⁸. Авторы вновь заявляют, что партия не преследовала цель установить социалистический режим и что в ее уставе, программах или деятельности нет ничего, что указывало бы на это. Они также повторяют, что майские собрания не были официальным мероприятием партии, что участники собраний никогда не контролировали партию и что партия никогда не поддерживала насилие. Они добавляют, что фальсификации на выборах были случайными и что партия приняла меры, в том числе провела внутреннее расследование, которое показало, что большинство голосов по доверенности были отданы родственниками лиц, не имеющих возможности проголосовать, и что поддельные удостоверения личности для этого не использовались. Что касается проявлений агрессии во время заседания Центрального комитета, авторы отмечают, что насильственные действия не были совершены партией в целом, не носили систематического характера, и что представитель партии публично принес извинения. Что касается инцидента со слезоточивым газом, авторы отмечают, что этот случай девиантного поведения отдельного человека случился до создания партии и что несправедливо особо выделять этот отдельный инцидент, поскольку случаи, когда члены Национальной ассамблеи проявляют агрессию, не являются редкостью.

5.4 Что касается майских собраний, авторы утверждают, что Верховный суд счел существование Революционной организации не доказанным, а это значит, что никаких тайных собраний для обсуждения планов разрушения инфраструктуры она не проводила. Майские митинги были организованы членами провинциального комитета Кёнги в личном качестве. Партия не одобряла эти встречи или их содержание, не оказывала им никакой поддержки, не разделяла высказывавшиеся на них точки зрения и никогда не планировала и не поддерживала применение насилия для захвата власти или свержения правительства, ни публично, ни в частном порядке. 130 участников составляли лишь 0,124 % от 104 692 зарегистрированных членов партии, и государство-участник не смогло доказать, что они контролировали процессы принятия решений в партии. Верховный суд признал г-на Ли и еще шесть человек невиновными в заговоре с целью организации мятежа и подстрекательстве к разрушению инфраструктуры. Более того, поскольку напряженность в отношениях с Корейской Народно-Демократической Республикой не является чем-то необычным, партия не считала, что война неизбежна. Партия мобилизовала максимальную поддержку в ожидании ходатайства правительства о роспуске партии, но она не защищала обвиняемых. Роспуск не был соразмерным шагом, и ему имелись альтернативы, поскольку партия не представляла угрозы, потеряла значительную часть поддержки, а лица, предположительно ответственные за подстрекательство к насилию, были заключены в тюрьму.

5.5 Авторы оспаривают аргумент государства-участника о том, что политические партии не являются «средствами массовой информации» по смыслу статьи 19 Пакта, утверждая, что свобода выражения мнений немыслима без участия всего спектра

⁷ См. постановление Суда по делу *Herri Batasuna and Batasuna v. Spain*, пп. 77–78.

⁸ Там же, п. 83.

политических партий, а пункт 2 статьи 19 не может быть истолкован как исключаящий политические партии. Что касается статьи 25 Пакта, они утверждают, что действительно избирали представителей на всеобщих выборах 2012 года по пропорциональной системе и голосовали за партию. Они оспаривают необходимость доказывать, что поддерживают Корейскую Народно-Демократическую Республику в индивидуальном качестве. Они утверждают, что единственное отличие их партии от других партий со схожими идеями заключается в том, что их партия считает, что Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика — это одна нация.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какое-либо утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 97 правил процедуры определить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

6.2 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет отмечает, что государство-участник не оспорило факт исчерпания внутренних средств правовой защиты. Соответственно, Комитет считает, что требования пункта 2 б) статьи 5 Факультативного протокола не препятствуют рассмотрению им настоящего сообщения.

6.4 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сфера действия оговорки к статье 22 Пакта ограничивается правом государственных служащих и учителей на вступление в профсоюз. Он также отмечает, что в оговорке заявлено, что положения статьи 22 применяются в соответствии с нормами внутреннего законодательства государства-участника. Поэтому Комитет считает, что содержание оговорки государства-участника не препятствует рассмотрению жалоб авторов.

6.5 В отношении утверждения авторов о нарушении пункта 1 статьи 2 Пакта, рассматриваемого в совокупности со статьей 22, Комитет отмечает, что Конституционный суд принимал решение, основываясь на результатах рассмотрения им всей совокупности обстоятельств, а не на мнениях, высказанных авторами или Партией. Комитет считает, что для целей приемлемости авторы не обосновали в достаточной степени, почему это решение дискриминировало их, и поэтому объявляет эту жалобу неприемлемой.

6.6 Комитет считает, что авторы в достаточной степени обосновали свои остальные утверждения для целей приемлемости. Соответственно, он объявляет сообщение приемлемым в части утверждений, касающихся статей 19, 22 и 25 Пакта, и переходит к рассмотрению сообщения по существу.

Рассмотрение по существу

7.1 Комитет отмечает, что, по мнению авторов, государство-участник нарушило их права по статье 22 Пакта, поскольку решение Конституционного суда о роспуске партии, членами которой все они являлись, представляет собой ограничительную меру, не предусмотренную законом и ненужную в демократическом обществе. Даже если государство-участник оспаривает это утверждение, оно не оспаривает, что роспуск партии представляет собой ограничительную меру. Комитет отмечает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Пакта любое ограничение права на свободу ассоциации, для того чтобы быть оправданным, должно в совокупности отвечать следующим условиям: а) должно быть предусмотрено законом; б) может быть наложено исключительно в целях, указанных в пункте 2, т. е. в интересах национальной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц;

и с) должно быть необходимо в демократическом обществе для достижения одной из этих целей⁹.

7.2 Комитет отмечает, что партия была распущена по распоряжению Конституционного суда, который в соответствии с Законом о Конституционном суде может издавать такие постановления по запросу исполнительной власти. Комитет также отмечает, что нормативные акты государства-участника предусматривают, что заграничная поездка президента представляет собой «уважительную причину», позволяющую премьер-министру замещать президента. Кроме того, с учетом контекста Комитет считает, что авторы не смогли убедительно продемонстрировать, что исполнительная власть вышла за пределы своих дискреционных полномочий, признав существование чрезвычайной ситуации, оправдывающей решение не организовывать обсуждение на уровне заместителей министров до заседания Государственного совета. Учитывая также компетенцию Конституционного суда выносить постановления о роспуске политической партии, Комитет считает, что аргументы авторов, касающиеся процессуальных стандартов и приобщения доказательств из рассматриваемого уголовного дела, не позволяют сделать вывод о том, что роспуск не был предусмотрен законом. Соответственно, Комитет приходит к выводу, что роспуск Партии был предусмотрен законом.

7.3 Комитет далее отмечает, что авторы не оспаривают, что ограничительная мера была продиктована одной из целей, изложенных в пункте 2 статьи 22 Пакта.

7.4 Далее Комитет должен рассмотреть вопрос о том, был ли роспуск партии необходим в демократическом обществе, согласно пункту 2 статьи 22 Пакта. В этой связи Комитет напоминает, что понятие «демократическое общество» указывает на то, что существование и деятельность ассоциаций, в том числе тех, которые мирным путем продвигают идеи, не всегда положительно воспринимаемые правительством или большинством населения, является одним из краеугольных камней демократического общества¹⁰. Одного лишь факта наличия разумных и объективных оснований для ограничения права на свободу ассоциации недостаточно; государство-участник должно также продемонстрировать, что запрет ассоциации необходим для предотвращения реальной, а не чисто гипотетической угрозы национальной безопасности или демократическому устройству и что для достижения этой цели менее жестких мер было бы недостаточно¹¹.

7.5 Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что роспуск партии был необходим, поскольку ее деятельность и цели были направлены на разрушение основ демократического строя и насаждение идеологии Корейской Народно-Демократической Республики насильственным путем. Он также отмечает, что авторы оспаривают аргументацию и выводы Конституционного суда, а также предписанные им меры. Авторы утверждают, что цели партии были демократическими и ненасильственными, что не существовало никакого «руководящего ядра», что различные инциденты с участием членов партии не могут быть приписаны ей, и что в целом партия не представляла угрозы для основ демократического строя.

7.6 Комитет отмечает, что в своих утверждениях авторы затрагивают доказательственные аспекты, которые были рассмотрены Конституционным судом. Суд изучил около 170 000 страниц доказательств и заслушал 12 свидетелей и 6 экспертов в ходе 18 слушаний. Прежде чем сделать вывод о том, что партия угрожает основам демократического строя, Конституционный суд рассмотрел всю совокупность обстоятельств, включая историю партии, ее цели, заявления, деятельность, случаи фальсификации выборов и агрессивного поведения ее членов, а также идеологию насилия, которую проповедовало руководящее ядро и которая не

⁹ *Беляцкий и др. против Беларуси* (CCPR/C/90/D/1296/2004), п. 7.3; *Ли против Республики Корея*, п. 7.2; *Борис Звозков и др. против Беларуси* (CCPR/C/88/D/1039/2001), п. 7.2; *Корнеенко и др. против Беларуси*, п. 7.3.

¹⁰ *Беляцкий и др. против Беларуси*, п. 7.3; *Ли против Республики Корея*, п. 7.2; *Корнеенко и др. против Беларуси*, п. 7.3.

¹¹ *Беляцкий и др. против Беларуси*, п. 7.3; *Ли против Республики Корея*, п. 7.2.

была отвергнута более широким кругом членов. Кроме того, учитывая, что пропаганда насилия в демократическом обществе может быть тайной, а не публичной, и принимая во внимание многочисленные способы, с помощью которых партия впоследствии оказывала публичную поддержку обвиняемым, Комитет не может сделать вывод о том, что суд ошибочно принял во внимание слова, произнесенные на майских собраниях, в которых участвовали только члены партии, включая членов и представителей Центрального комитета. Комитет отмечает в этой связи, что авторы признают проблемный характер дискуссий, участники которых говорили о неизбежности войны, необходимости проведения военных и физических приготовлений, производства и захвата оружия, в том числе изготовления бомб, способах разрушения инфраструктуры и нарушения связи, и все это с целью помешать государству-участнику защищаться и оказать поддержку Корейской Народно-Демократической Республике. Кроме того, Комитет принимает во внимание замечание государства-участника о том, что оно по-прежнему находится в состоянии войны с Корейской Народно-Демократической Республикой и постоянно подвергается военным провокациям со стороны последней. Поэтому Комитет не может прийти к выводу, что государство-участник недостаточно продемонстрировало наличие разумных и объективных оснований для ограничения свободы ассоциации авторов.

7.7 Комитет принимает к сведению аргумент авторов о том, что решение Конституционного суда о роспуске партии не было соразмерным, поскольку в его распоряжении имелись менее жесткие меры. Вместе с тем Комитет отмечает, что Суд конкретно рассмотрел этот вопрос, но решил, что одного уголовного наказания будет недостаточно для устранения угрозы, поскольку оно будет направлено только на конкретных лиц. Комитет отмечает, что Суд посчитал, что на место обвиняемых могут прийти другие, столь же агрессивно настроенные члены. Что касается вопроса соразмерности, Комитет отмечает, что, по мнению Суда, неоднократная, конкретная и неминуемая угроза, создаваемая ведущими членами партии, оправдывала ее роспуск в интересах защиты основ демократического строя. Комитет отмечает, что авторы не смогли продемонстрировать, что партия недвусмысленно осудила агрессивные заявления, сделанные на майских собраниях. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу государства-участника, в которых он выразил свою озабоченность по поводу роспуска партии, исходя из той информации, которая имелаась в его распоряжении на тот момент¹². Комитет отмечает, что в настоящем деле он располагал более подробной информацией, доведенной до его сведения сторонами, и поэтому смог удостовериться в том, что Суд принимал свое решение, опираясь на очень большой объем доказательств. Напоминая, что роспуск политической партии всегда является решением *ultima ratio*, Комитет заключает, что в данном конкретном случае, учитывая наличие очень серьезных обстоятельств и уголовных фактов, установленных национальными судебными инстанциями, государство-участник надлежащим образом обосновало роспуск в свете необходимости обеспечения общественной безопасности и защиты конституционного строя. Таким образом, с учетом информации, представленной в настоящем деле, Комитет не может сделать вывод о том, что ограничение государством-участником свободы ассоциации авторов не было необходимым и соразмерным или что права авторов по статье 22 были нарушены.

7.8 С учетом вышеизложенного Комитет не может сделать вывод о том, что это ограничение не было необходимым для защиты национальной безопасности в соответствии с пунктом 3 b) статьи 19 Пакта. Поэтому он считает, что права авторов, предусмотренные в пункте 2 статьи 19, рассматриваемом в совокупности со статьей 22 Пакта, не были нарушены.

7.9 Комитет отмечает, что авторы заявляют о нарушении статьи 25, рассматриваемой в совокупности со статьей 22 Пакта, поскольку Конституционный суд лишил членов партии их мест в местных собраниях и в Национальном собрании, и тем самым лишил авторов представительства. Комитет также отмечает, что 25 ноября 2015 года окружной суд Чонджу постановил, что исключение членов партии

¹² CCPR/C/KOR/CO/4, пп. 50–51.

из числа депутатов местного собрания было неправомерным. Что касается лишения мандатов других депутатов, Комитет отмечает, что права, перечисленные в статье 25 Пакта, подлежат разумным ограничениям. По уже упомянутым причинам (см. пп. 7.4–7.6 выше) Комитет не может прийти к выводу, что ограничения права авторов на участие в делах государства не были разумными и что их права по статье 25 Пакта были нарушены.

7.10 Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении статей 19, 22 и 25 Пакта.

Приложение

Совместное (несогласного) мнение членов Комитета Кристофа Хейнса, Дэвида Мура, Васильки Санцин, Юваля Шани, Эрнана Кесады Кабреры и Гентиана Зюбери

1. Мы не можем согласиться с результатом рассмотрения данного дела, а именно с тем, что не были нарушены права авторов, предусмотренные в статьях 19 (пункт 2), 22 или 25 Пакта.
2. Общеизвестно, что роспуск политической партии и лишение ее членов мест в парламенте — это крайние меры, которые следует принимать в самую последнюю очередь. На наш взгляд, факты и доказательства, представленные в данном деле, не соответствуют этому высокому порогу.
3. В соответствии с преобладающей точкой зрения (п. 7.4)¹ Комитет, касаясь защиты права на ассоциацию в целом (т. е. также в отношении ассоциаций, не являющихся политическими партиями) в соответствии со статьей 22, ранее уже высказывал мнение, что одного лишь наличия разумных и объективных оснований для ограничения права на свободу ассоциации недостаточно. Государство-участник должно также продемонстрировать, что запрет ассоциации необходим для предотвращения реальной, а не чисто гипотетической угрозы национальной безопасности или демократическому устройству и что для достижения этой цели менее жестких мер было бы недостаточно².

Таким образом, бремя доказывания того, что принятые меры были необходимыми, лежит на государстве-участнике

4. Выражение политических мнений пользуется особой защитой, что предполагает особенно строгий порог для роспуска политических партий³.
5. Если рассматривать обстоятельства данного конкретного дела, то важнейшее значение для запрета Объединенной прогрессивной партии имеет тот факт, что незначительное меньшинство ее членов (130 человек примерно из 100 000 членов, большинство из которых, если не все, являются членами партийного комитета в провинции Кёнги) посетили собрания в мае 2013 года. На основании комментариев, прозвучавших и распространенных во время майских собраний, можно сказать, что из 130 участников в общей сложности 7 человек (не являющихся авторами сообщения) были задержаны, обвинены в уголовных преступлениях и наказаны.
6. Те, кто был привлечен к ответственности за участие в майских собраниях, были признаны виновными в подстрекательстве и заговоре, однако приговор по обвинению в заговоре (по крайней мере, в отношении некоторых из них) был отменен после

¹ Если не указано иное, пункты в скобках относятся к Соображениям Комитета.

² *Ли против Республики Корея* (CCPR/C/84/D/1119/2002), п. 7.2. См. также *Беляцкий и др. против Беларуси* (CCPR/C/90/D/1296/2004), п. 7.3.

³ Замечание общего порядка № 25 (1996), пп. 25–26. Европейский суд по правам человека, ссылаясь на статью 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека), которая защищает свободу ассоциации, постановил, что для оценки необходимости роспуска политической партии требуется, среди прочего, чтобы государство-участник признало наличие убедительных доказательств того, что угроза для демократии является достаточно сильной и реальной и что действия и заявления, приписываемые политической партии, в целом дают ясное представление о том, какую модель общества, несовместимую с концепцией демократического общества, предлагает и отстаивает партия. См. *European Court of Human Rights, Herri Batasuna and Batasuna v. Spain*, applications No. 25803/04 and No. 25817/04, judgment, 30 June 2009, para. 83.

апелляции, что, по-видимому, указывает на то, что угроза была не такой серьезной, как первоначально предполагалось.

7. В связи с этим возникает следующий вопрос: в какой степени поведение семи человек может быть присвоено партии в целом? По мнению авторов, эти семь человек выступали в своем личном качестве и вопреки официальной политике партии, которая выступает за мирный переход власти. Собрание не было организовано или одобрено партией ни до, ни во время его проведения. Партия действительно оказывала определенную поддержку обвиняемым во время судебного процесса, но, судя по всему, по крайней мере отчасти, эта поддержка заключалась в сборе средств для их юридической защиты в суде. Доказательства того, что сама партия представляла конкретную, непосредственную угрозу национальной безопасности, в лучшем случае неубедительны.

8. Аргумент государства-участника о том, что роспуск партии был «необходим» по смыслу статей 19 (пункт 3) и 22 (пункт 2) Пакта в значительной степени опирается на мнение Конституционного суда об отсутствии альтернативы роспуску партии, поскольку уголовное наказание может быть применено только к физическим лицам и не может гарантировать, что на смену им в рядах партии не придут столь же агрессивно настроенные члены (пп. 4.6 и 7.7). Перспектива того, что обвиняемые могут быть заменены в партии другими членами, которым будет поручено подстрекательство к насилию, представляется скорее гипотетической, чем реальной угрозой, основанной на доказательствах.

9. Хорошо известно, что во время инцидента между государством-участником и Корейской Народно-Демократической Республикой существовала сильная напряженность и что партия симпатизировала Корейской Народно-Демократической Республике. Этому факту следует уделить должное внимание. Тем не менее практически нет свидетельств, подтверждающих конкретный и неотвратимый характер этой угрозы, а также того, насколько партия была готова реально оказать поддержку Корейской Народно-Демократической Республике.

10. В итоге, исходя из имеющейся информации остается неясным, было ли поведение семи участников майских собраний нечто большим, чем их личная инициатива, и можно ли присвоить его Партии в целом. Поведение семи человек было рассмотрено в рамках уголовного преследования соответствующих лиц (которое Комитет признал в параллельном деле не представляющим нарушения Пакта)⁴. Учитывая радикальный характер решения о роспуске политической партии и лишении некоторых ее членов депутатских мандатов, мы не убеждены, что государство-участник выполнило возложенную на него обязанность продемонстрировать, что такие дополнительные меры были необходимыми и соразмерными и что менее жестких дополнительных мер было бы недостаточно.

11. Комитет уже заявлял в 2015 году, что ввиду весьма далеко идущих последствий, которые имеет роспуск политической партии, государству-участнику следует обеспечить, чтобы при применении этой меры, которая должна использоваться лишь в самом крайнем случае, проявлялась максимальная сдержанность и соблюдался принцип пропорциональности⁵. Мы продолжаем считать эту оценку обоснованной.

12. Как отмечалось выше (и как признается в преобладающем мнении), Комитет требует от государств, которые распускают ассоциации, продемонстрировать, что запрет ассоциации является необходимым. Таким образом, бремя доказывания необходимости такой меры лежит на государстве-участнике. На этом фоне следует отметить (см., например, пп. 7.6 и 7.8), что Комитет не может прийти к выводу, что принятие ограничительной меры не было продиктовано необходимостью для защиты национальной безопасности. Двойное отрицание, похоже, освобождает государство-участник от обязанности доказывать наличие необходимости и устанавливает планку слишком низко, особенно когда речь идет о такой далеко идущей мере, как запрет политической партии. Если Комитет не убедится, что доказательства свидетельствуют

⁴ *Ли и др. против Республики Корея* (CCPR/C/130/D/2809/2016).

⁵ CCPR/C/KOR/CO/4, п. 51.

о том, что государство-участник выполнило возложенное на него бремя доказывания необходимости роспуска политической партии, он должен сделать вывод, что имело место нарушение соответствующих прав авторов, предусмотренных в Пакте.
